

ЗОЛОТАЯ ГОРА

Научно-фантастическая повесть А. Беляева

Иллюстрации Г. Фитингофа

1. Болезнь, которая не поддается лечению

ГОЛУБОЕ небо прозрачно, как хрустальные воды горного озера. Высоко, высоко журавлиной стаей летят легкие перистые облака. Под облаками парит орел, распластав свои огромные крылья. Он делает медленные круги и смотрит вниз. Под ним растilaются горы с белыми шапками снега, темная зелень лесов, горные озера, похожие на куски разбитого зеркала, белое кружево водопадов, серебряные ленты речек... Но не эта знакомая картина интересует орла. Его зоркие глаза прикованы к большому белому камню, что лежит у реки, на мшистом склоне холма. На камне сидит человек, а около него вертится черный, как смоль, живой комочек. Он должно быть очень жирный, этот комочек! Хорошо бы упасть камнем и, схватив черный комочек, отнести его в гнездо, на вершину горной сосны, своим голодным детенышам... Но человек мешает... Зачем он пришел сюда, в это пустынное место? Что ему надо?

На эти вопросы человек, сидевший на белом камне, не мог бы ответить. Он откинулся на спину, посмотрел в голубую пустыню неба и увидел орла и, обняв рукой черного пуделя, сказал:

— Не вертись, Джетти, и не волнуйся. Орел не возьмет тебя. Ты мешаешь мне думать, Джетти! — И человек, закрыв глаза, погрузился в свои думы, подставляя загоревшее, бритое лицо под лучи осеннего, но еще теплого солнца.

Сегодня надо решить. Но сначала надо разобраться в самом себе, продумать каждый свой шаг, сделанный на пути сюда, к этому белому камню.

Как это началось?... Москва. Номер гостиницы. Датчанин Скоу-Кельдсен звонил по телефону и сообщил, что он получил билет в ложу иностранных корреспондентов на балет „Красный мак“...

Нет, это не главное. Началось это раньше еще в Нью-Йорке, на третьей авеню, в небольшой квартирке, которую занимал Клэйтон. Он заболел. Да, с этого все и началось! Заболел скукой.

Физически он был совершенно здоров, успешно занимался спортом и был даже чемпионом легкой атлетики. В жизни ему везло. Сын небогатого фермера, Клэйтон рано начал зарабатывать самостоятельно. Ему было семнадцать лет, когда он из сонного Запада приехал в кипящий котел Нью-Йорка и быстро приспособился к новым условиям жизни. Переменив несколько профессий, он остановился на журналистике. К двадцати пяти годам он уже был видным сотрудником газеты

„Нью-Йорк Таймс“. И тут он начал скучать. Горд, знакомые, — все ему надоело.

Чтобы спастись от непролазной одуряющей скуки, Клэйтон начал брать на себя самые рискованные поручения. Он „провел“ на баррикадах две мексиканские революции, кочевал с африканскими племенами, восставшими против французов, летал на южный полюс с экспедицией, разыскивающей Оуэна...

Наконец по совету одного друга, Клэйтон отправился специальным корреспондентом в Москву. По мнению друга и самого Клэйтона, это предприятие было самое рискованное из всего предпринятого Клэйтоном. Поэтому Клэйтон и приехал в Москву. Действительность разочаровала его. Он не нашел тех ужасов, о которых говорили ему „очевидцы“. Клэйтон искал экзотики и не находил. В окружающей жизни он многого не понимал и не старался понять, — он прошел американскую газетную школу, которая не приучила проникать в сущность явлений.

II. НОВЫЙ СТЭНЛИ

КЛЭЙТОН переодевался в вечерний костюм, чтобы идти в театр, когда позвонил телефон. Завязывая на ходу галстук, Клэйтон подошел к телефону и, к своему удивлению, услышал голос Додда, — своего приятеля по газете, одного из корреспондентов „Нью-Йорк Таймс“.

— Вы здесь? Какими судьбами?, — удивился Клэйтон.

— Да, здесь. Приезжайте немедленно ко мне, — ответил Додд и дал адрес частной квартиры на Арбате.

— Но я... я иду сегодня в театр, — ответил Клэйтон. — „Красный мак“, — балет, говорят, — нечто изумительное. Может быть, вы пойдете со мной? У нас ложа.

— Надеюсь, этот балет не снимут с репертуара, — насмешливо возразил Додд. — Приезжайте немедленно. Есть дело, и как раз в вашем вкусе! Сам редактор поручил его вам.

Клэйтон был хорошо вышколенным работником. Он не стал больше расспрашивать Додда, быстро закончил свой туалет, вызвал по телефону абснированный такси и отправился на Арбат.

Додд — маленький человечек с красным лицом, безусый, но с небольшой светлой бородкой, — похожий на карикатурное изображение Дяди Сэма, усадил Клэйтона на диван, предложил сигару и приступил прямо к делу.

— Я имею для вас восхитительное предложение; немедленно ехать на Алтай разыскивать мистера Микулина.

Додд вынул записную книжку и, перелистывая страницы, продолжал:

— Микулин, Василий Николаевич. Русский ученый, работал в лаборатории Академии Наук. Командирован в Англию, в Кэмбридж. Работал в Кевендишевской лаборатории. Был избран действительным членом Великой Британской Академии Наук. Небывалый случай со времени и брания Менделеева. Обычно иностранных ученых, даже с выдающимся именем, избирают только членами-корреспондентами. Можете представить, что за голова должна быть у этого Микулина! Избрание в действительные члены это конечно взятка. Англичане хотели оставить Микулина у себя. Но он вернулся в Россию. Некоторое время работал в Ленинграде, а потом как-то незаметно исчез. О нем перестали говорить и писать, как будто он умер. Но смерть такого человека не прошла бы незамеченной.

— „Зачем Микулин поехал на Алтай? Почему мы, американцы, должны разыскивать его? Откуда Додд знает, что Микулин жив?...“ — раздумывал Клэйтон.

— У Микулина в Англии был друг, — продолжал Додд. — Фамилия его Гиббс. Он американец, молодой ученый, также как и Микулин, приехавший в Англию для усовершенствования. Гиббс и Микулин оба физики, оба работали в одной лаборатории. Наконец, оба изучали строение атома и старались осуществить давнишнюю мечту человечества о превращении элементов. Но Микулин был талантливее Гиббса. Надо прямо сказать, позабыв о национальном самолюбии: Микулин гениален, а Гиббс только на голову выше рядового научного работника. Микулин далеко ушел вперед и, по мнению Гиббса, был совсем близок к решению задачи. Быть может, Микулин тогда уже разрешил эту огромную задачу теоретически. Однажды, в минуту откровен-

ности,—слушайте внимательно,—Микулин сказал Гиббсу, что он, Микулин, уедет на родину и там будет продолжать работу.

— „Но для того, чтобы скорее окончить мой труд, мне необходимо полное уединение, — сказал Микулин. — Я не могу сосредоточиться, когда в моей лаборатории снуют лаборанты, студенты и даже, как у вас здесь, высокие покровители наук. Я сибиряк, родился в Семипалатинске, недалеко от чудеснейшей русской Швейцарии, — Алтая. Я знаю одно местечко южнее Рахмановских ключей, недалеко от китайской границы. Прекрасный горный климат, полное уединение, тишина. покой. Туда уйду я с одним или двумя помощниками, и пусть мир забудет меня до той поры, пока... пока я переверну мир!“

— Поверьте. Клэйтон, что эти слова не пустое бахвальство, Микулин действительно сможет перевернуть мир, если только ему удастся осуществить то, над чем сломало себе шею не мало ученых. Представляете вы, что значит превращать один элемент в другой? Это значит из кирпичей, булыжника и песку вы можете делать чистейшее золото, из дерева шелк, из стекла алмазы, из алмазов... пасту для зубов, словом, возьмите пару любых предметов и превращайте их один в другой. Такой человек должен быть всемогущим. Но и этого мало. Микулин обещает освободить и использовать внутриатомную энергию. А это изобретение способно перевернуть весь мир. В руках такого человека окажется беспредельное количество энергии. Сами посудите Гиббс, что в одном килограмме каменного угля содержится такой запас внутриатомной энергии, с помощью которого все фабрики и заводы Европы могут работать в течение недели. Но для этого не нужно брать даже каменного угля. Внутриатомная энергия содержится решительно во всем: в старой подошве ее не меньше, чем в диамантном патроне. Надо только уметь извлечь ее.

— Представим на минуту, что Микулин достиг своей цели. Что произойдет с миром? — продолжал Додд. — В руках этого человека, более чем дружелюбно настроенного к большевикам, окажется почти сверхестественное могущество. Он начнет снабжать свое правительство целыми вагонами золота. Чем это окончится?

Россия закупает все нужное ей оборудование и в несколько месяцев становится первым в мире индустриальным государством.

Борьба Миров

Затем тысячи, миллионы фунтов золотых слитков идут на пропаганду. Наконец, всеобщая золотая „инфляция“, полнейшее обесценение золота, всеобщие кризисы в капиталистических странах, банкротства, рабочие волнения... Борьбаться с Советской Россией? Но разве можно будет бороться со страной, которая обрушит на голову врага взбесившиеся силы природы, — миллиарды, — не лошадиных, а дьявольских, — сил, сидящих в каждой песчинке! Вы понимаете, что будет?..

Да, Клэйтон понимал. Он чувствовал, как холодеет его сердце. Но мысль не хотела мириться с этой страшной судьбой обреченного мира. Может быть, не все потеряно, может быть, есть выход?..

— Золото можно заменить другим металлом, — сказал Клэйтон, — например, серебром или какими-нибудь редкими металлами. Впрочем, простите, я сказал не подумав. Ведь, Микулин может изготавливать любой металл, любое вещество..

— Вот именно, — кивнул головой Додд. — Теперь вы, надеюсь, понимаете, почему мы, американцы, интересуемся Микулиным. Гиббс, возвратившись из Англии, как истинный патриот, счел своим долгом сделать доклад одному из членов правительства и нескольким финансистам. Сообщению этому вначале не придавали особого значения. Но когда узнали, что Микулин исчез из Ленинграда, то начали серьезно беспокоиться. На официальные запросы мы получали ответ, что Микулин уехал, якобы, в научную экспедицию. У нас этому ответу конечно не поверили. Пока Микулин работал в Ленинграде на глазах у всех, он не был так страшен; все его изобретения тотчас становились бы достоянием гласности. Если бы даже удалось ему сделать открытие, им воспользовались бы и другие страны, и силы, таким образом, уравнились бы. Но это „бегство“ Микулина наводит на очень серьезные размышления...

Клэйтон нервно поднялся и зашагал по комнате.

— Довольно! Мне все понятно. Итак, каковы мои ближайшие задачи.

— Ехать на Алтай, разыскать Микулина, постараться проникнуть в его лабораторию, заслужить его доверие и узнать, разрешил ли он задачу получения искусственного золота.

— Но как же я найду его, имея такой неопределенный адрес: „Алтай, южнее Рахмановских ключей, у китайской границы?“

— А как Стэнли нашел Ливингстона? У Стэнли был еще более короткий адрес: Африка, — и больше ничего. Мы не могли узнать более точно. Нам все равно не сообщили бы адреса, а расспросы только возбудили бы подозрение. Ведь наши цели... не совсем мирные, и потому нам надо соблюдать осторожность. Как видите, я не вызвал вас даже к себе в отель, а выбрал эту частную квартиру вполне надежного человека.

— Да, наши цели не совсем мирные. Поэтому мне труднее оправдать свое появление, если даже я и найду Микулина. С неба что ли свалиться? Инсценировать авиопланную катастрофу? Наш редактор пойдет на такие расходы?

— Можете ломать целую эскадрилью авиопланов, если понадобится, — усмехнулся Додд. — За редактором стоят люди, которые откроют неограниченный кредит. Вы лично не останетесь в убытке. Десяток тысяч долларов я вручу вам немедленно. Близость к китайской границе очень удобна. Я буду жить в Кобдо. Постараемся завязать связь через перевал Улан-даба.

— Ну, если Микулин нашел средство делать золото и извлекать внутриатомную энергию? — раздумчиво спросил Клэйтон.

— Вы сообщите об этом и получите соответствующие инструкции...

III. Где огонь падает с неба

ЭТОТ разговор происходил в мае месяце. Как много событий произошло за это время! Клэйтон быстро собрался в путь и выехал из Москвы, так и не посмотрев, „Красного мака“. Клэйтон мчался на поезде, плыл на пароходе, ехал на косматых горных лошаденках и, наконец, шел пешком. Перед ним открылась совершенно новая страна, которая поразила его своей красотой. Высочайшие горы, поросшие пихтами, кедрами, елями, лиственницами и увенчанные вечными сне-

гами, бесчисленные водопады, красивые, быстрые горные речки с тополями и ивами на берегах, тучные пастбища.. Многоголосый птичий крик, плесканье рыбы в реках, простор и... безлюдье.

Чем ближе подвигался Клэйтон к Рахмановским ключам, тем больше он волновался. Удастся ли ему, как Стэнли, найти своего „Ливингстона“, и как встретит Микулин незванного гостя? Мысль об инсценировке воздушной катастрофы Клэйтон давно оставил. Это было слишком сложное и рискованное предприятие. Почему не избрать прямой путь: явиться к Микулину в качестве богатого американского туриста, который случайно узнал, что в этих глухих местах живет русский.

От кого узнали? Скажем, от проводника. Ведь не может же быть, чтобы Микулин не поддерживал никаких связей с окружающим населением. Должен же кто-нибудь ему поставлять продукты питания.

Найти Микулина было не так легко. Десять дней пробродил Клэйтон вокруг Рахмановских ключей, — горячего и холодного, — встречал много больных, пришедших к Ключам за исцелением, расспрашивал всех, но никто не знал о русском, живущем в горах на юг от Рахмановских ключей. Но Клэйтон не падал духом и, в конце концов, ему удалось встретить одного старого охотника, который случайно набрел в горах на неизвестный маленький поселок. Кто живет, — охотник не знает. Но там наверно живет колдун.

— Я ни за что не пойду туда еще рассказал охотник. — Там огонь падает с неба на дом и дом не горит.

Однако, деньги, много денег — заставили охотника побороть страх и отправиться в горы вместе с Клэйтоном.

Путники перевалили через несколько горных хребтов с настоящей луговой альпийской растительностью, спустились в долину и оказались на краю огромного болота.

Старый охотник, по каким-то одному ему известным приметам, прыгая с кочки на кочку, пошел по болоту. Клэйтон последовал за ним, удивляясь не только его ловкости, но и бесстрашию: несмотря на весь опыт, предательская трясина могла ежеминутно засосать смельчака.

Перевалив еще через одну небольшую горную гряду, старый охотник остановился и сказал:

— Дальше не пойду. Озолоти, — не пойду. Тут близко. Теперь ты сам найдешь. Иди все прямо. Мимо большого белого камня пройдешь, поверни направо. Там и увидишь. Назад пойдешь? Если скоро пойдешь, я тебя тут подожду, назад провою.

Пойдет ли он назад и скоро ли? Этого Клэйтон не знал.

— Ты подожди меня лень и ночь. Если не вернусь, иди. Только вот что! Через перевал Улан-даба ходил? В Кобдо был? Отлично. Иди в Кобдо, разыщи там американского консула и передай ему письмо, — я сейчас напишу.

Клэйтон написал Додду о том, что ему, Клэйтону, повидимому удалось найти местопребывание Микулина. Если все будет хорошо, он придет к болоту в полнолуние, через месяц. Додд может через охотника прислать письмо или явиться сам.

— Вот, возьми письмо. Если ты доставишь его, то получишь много денег и подарков. Может быть, с тобою сюда придет один господин, ты проводи его.

Старый охотник взял письмо, положил его под шапку-папаху, кивнул головой и уселся на кочку, а Клэйтон отправился дальше.

Он шел по южному склону горы, который защищен от северных холодных ветров. Был второй час дня. Жара стояла невыносимая. Джетти, — черный пудель, неизменный спутник Клэйтона во всех его путешествиях, плелся, высунув язык, с которого падала слюна. Ни малейшего ветерка. Даже листья тополя были недвижимы. Клэйтон спускался вниз по берегу горной речки. Джетти несколько раз подбегал к реке и лакал воду.

— Жарко, Джетти, кажется гроза будет, — сказал Клэйтон. И в самом деле, где-то вдали глухо прогремел гром. Горное эхо несколько раз повторило рокочущий звук. Гроза быстро приближалась. Верхушки деревьев зашумели, и первые крупные капли дождя упали на лицо и руки Клэйтона. Поправив дорожный мешок за спиною, Клэйтон побежал к большой косматой ели, чтобы укрыться от дождя.

— Вот так, Джетти, ложись здесь! — устраивался Клэйтон под деревом. Собака легла, но сразу же вскочила на ноги и залаяла, поджав свой пушистый, давно не стриженный хвост. Что-то испугало собаку.

Борис Мирор

Сквозь шум дождя и рокотанье грома Клэйтон услышал топот. Затем с пригорка на поляну вылетел золотистый конь, на котором сидела молодая девушка. На ней был костюм юнгштурма: короткая юбка цвета хаки и блуза с открытым воротником, стянутая широким поясом и ремешком через плечо. На ногах — высокие зашнурованные ботинки. Стриженные подскобку волосы развевались на ветру, лицо покраснело от быстрой езды. Девушка улыбалась и что-то кричала. Она промчалась мимо Клэйтона и скрылась внизу за густыми ивами. Секундой позже на поляну выехал молодой человек-блондин, похожий на калмыка, очень весело улыбающийся. Он подгонял свою лошадь, видимо желая догнать ускокавшую амазонку. Следом за молодым человеком по пригорку катился какой-то большой бурый шар. Клэйтон принял этот шар за большую собаку, но когда шар подкатился, — оказалось, что это медвежонок. Вот почему так истерически лаял Джетти: он почуял зверя. Но медвежонок не обратил на пуделя никакого внимания: он нагонял наездников. Странно, однако, что наездники, убежавшие от медведя, улыбались так весело. Клэйтон быстро снял с плеча винтовку, но не выстрелил: он подумал, что быть может, зверь ручной, а есадники убегали не от медведя, а от дождя.

„Советская Диана“, как мысленно назвал Клэйтон наездницу, удивила его. Клэйтон никак не ожидал встретить в дебрях Алтая такую красивую женщину. Но кто она? И кто этот мужчина? Микулин? Как жалко, что Додд не показал Клэйтону карточку Микулина.

Гром грохотал уже над самой головой Клэйтона, дождь лил водопадом, но Клэйтон уже не обращал на это никакого внимания. Он побежал следом за наездниками. Обогнув заросли ивы, он увидел большую поляну, примыкавшую к почти отвесной скале. У скалы стояли три деревянных дома. Над средним возвышались

металлические мачты, — радиостанция, как решил Клэйтон. Дома были окружены цветниками.

IV. Бродяга по призванию

НЕПОДАЛЕКУ стояли два сарая, за которыми виднелось поле ржи. — «Однако, тут целая ферма, — подумал Клэйтон. — Но где же наездники?» В эту минуту из двери дома, над которым возвышалась антенна, выбежал молодой человек в русской рубашке и сапогах. Он побежал к мачте антенны, что-то осмотрел, и вернулся к дому. Огромная молния, раздирая воздух с оглушительным треском, сорвалась с неба и ударила в острие металлического шеста.

— Громоотвод, — подумал Клэйтон. — Вот что испугало старого охотника.

— Чорт возьми, это не громоотвод, а молниепривод, — подумал Клэйтон в следующую минуту. В самом деле, мачты и провода как будто собирали электрические разряды со всех сторон. Над домом разряды следовали непрерывно. Синелилово-белая полоса молнии соединила небо с землей, и точкою соединения были вершины мачт. Даже здесь, на расстоянии добрых сотни метров от дома, жутко было стоять. Но каково было молодому человеку, который находился под самым потоком молнии! Несмотря на громоотводы, молнии разветвлялись, смертоносные бичи разряжались совсем близко от молодого человека. А он, как ни в чем не бывало ходил вокруг дома, что-то поправляя и осматривая. Неожиданно взгляд молодого человека остановился на Клэйтоне. Как будто тень недовольства прошла по его лицу, но вслед затем он улыбнулся и приветливо махнул рукой, приглашая Клэйтона подойти.

Клэйтон не без содрогания направился к дому, на который низвергались молнии, как будто собранные со всего Алтая.

Кричать было бесполезно, потому что удары грома были оглушительны. И когда Клэйтон приблизился, молодой человек только указал на дверь. Клэйтон вошел на крыльцо.

В дверях он столкнулся с девушкой, Она была еще в том же мокром платье. Посмотрев на Клэйтона с изумлением, девушка выскочила на крыльцо и побе-

жала по дорожке к домику с мезонином, стоявшему недалеко от скалы.

Клэйтон вошел в комнату и огляделся. Грубо сколоченная, — повидимому, самодельная мебель: стол у окна, две скамьи у стен, несколько табуреток. У стены шкаф с посудой. Очевидно это была столовая. Клэйтон не решался сесть на скамью, — с него так и текло. Джетти также оставлял после себя лужи.

Гром стал понемногу стихать и скоро в комнату вошел молодой человек, пригласивший Клэйтона войти в этот дом.

— Здравствуйте, — сказал он по-русски. — Вы иностранец? Я не ошибся? Садитесь, пожалуйста. Я сейчас растоплю печь, и вы сможете высушиться. — Молодой человек улыбнулся. — Но мы еще не знакомы. Моя фамилия Микулин.

«Неужели этот молокосос способен перевернуть мир?» — думал Клэйтон, разглядывая лицо Микулина. Оно действительно выглядело очень молодым. Прекрасный лоб и в особенности глаза — большие, голубые, прозрачные и в то же время глубокие, — привлекали особое внимание. От этих глаз трудно было отвести взгляд.

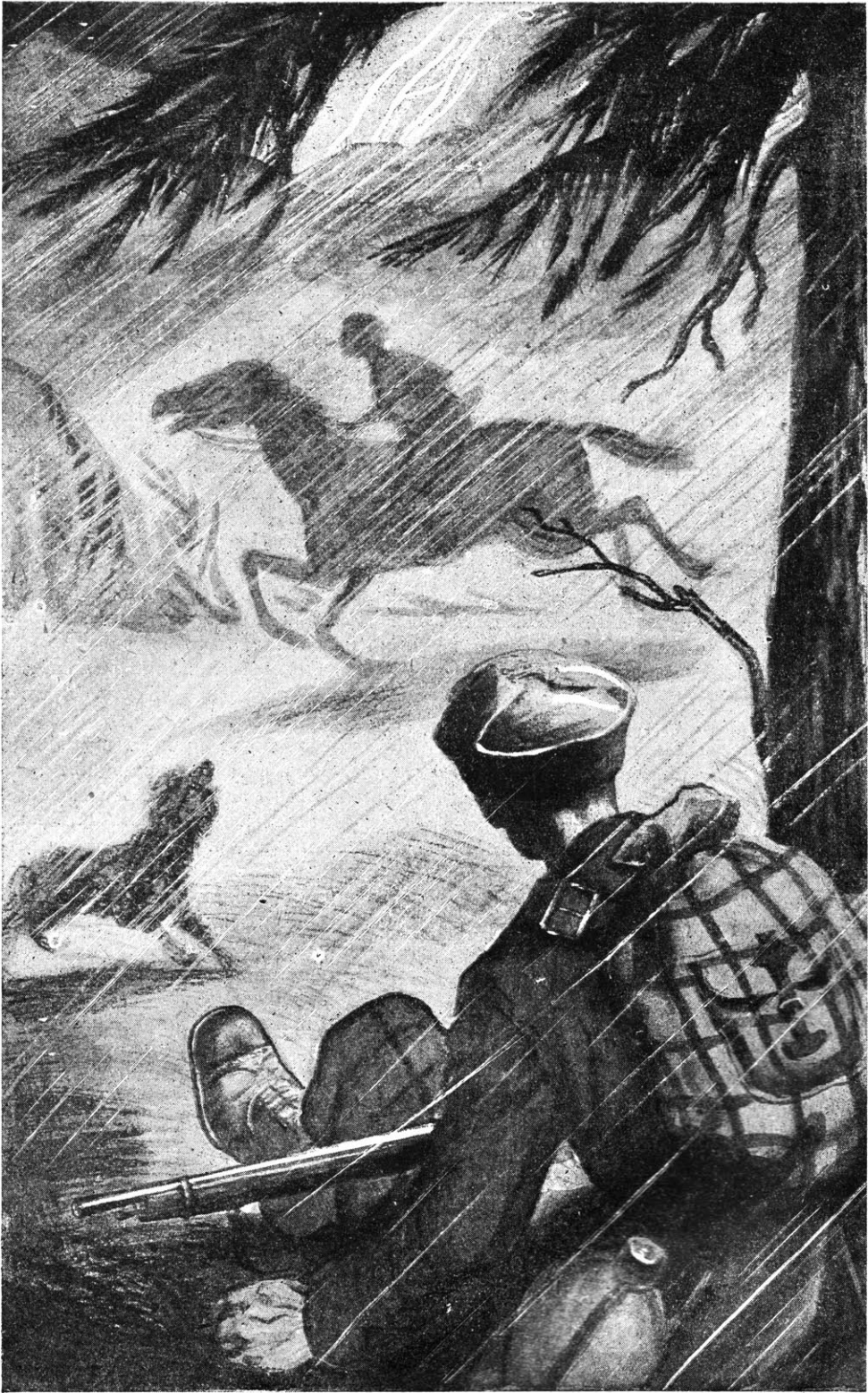
— А моя фамилия Клэйто... — удар грома прогремел очень своевременно... — Клэйн — говорю я. — Американец, турист, вернее, бродяга по призванию. Я исколесил все пять частей света и был приятно поражен, попав на Алтай. Признаюсь, я не ожидал здесь встретить такую красоту.

— Но как вы прошли... через болото? — спросил Микулин.

— Охотник провел меня. Он сказал, что это самый близкий путь к китайской границе, куда я направляюсь. По дороге проводник занемог и отправился домой, а я пошел вперед один и вот... неожиданно наткнулся на вашу ферму. Вы здесь как видно не плохо живете. Когда я шел сюда, меня обогнали амазонка, наездник и медвежонок, которого я едва не подстрелил, воображив, что он гонится за людьми.

Микулин рассмеялся.

— Это Аленка, Елена Лор, химик и мой помощник, наездник — Ефим Грачов, лаборант, а медведь — Федька. Воображаю, как была бы огорчена Аленка, если бы вы подстрелили ее медведя.

Наездница промчалась мимо Клейтона.

— Но что вы здесь делаете, в такой глуши? — спросил Клэйстон, разыгрывая роль наивного утриста.

— О, мы здесь двигаем науку! — с шутливой серьезностью ответил Микулин.

— Видали мои молнии? Я их „засаливаю“, собираю впрок, как мельник собирает воду. — Не прекращая разговора, Микулин принес железный ящик, оказавшийся эл ктрической печкой, протянул шнур, встал штепсель, и Клэйтон скоро почувствовал тепло.

— Вот видите, как молния отопляет нас! Сейчас на дворе тепло и вы высохли бы на солнышке, но это скорее. Подождите, я пушу еще вентилятор со струей теплого и сухого воздуха. Ну вот, через пять минут вы будете сухи, как Сахара в полдень. Молния дает мне энергию для освещения, отопления и научных опытов. Я аккумулирую небесный огонь. Ведь самая „захудалая“ молния в десять тысяч ампер в продолжение одной сотой доли секунды дает энергию не менее семисот киловатт-часов. За месяц над моим домом произошло сто раз ялов. Это дало мне семьдесят тысяч киловатт часов. Недурно? Я изобрел такие „громоприводы“, которые притягивают сюда молнии чуть не со всего Алтая, и все эти молнии я загоняю, как зверей в клетки, в небольшие аккумуляторы. Если бы я рассердился, этими молниями я мог бы уничтожить целую армию!

— А для вас самих разве они не представляют опасности? — спросил Клэйтон.

— Разумеется. В 1753 году в Петербурге во время опыта был убит молнией академик Рихман. Малейшая неисправность — и конец. Лучше не иметь совсем никакого громоотвода, чем ставить плохо сконструированный. В этом отношении наши прадеды были не так уже неправы опасаясь ставить громоотвод. Где-то я читаю, что домовладелец французского городка Сен-Омэрд, Виссери де Буавалле, поставил на крыше своего дома громоотвод в виде меча, направленного в небо и укрпленного на шаре, а шар был приделан к металлической палке. Это было в 1783 году. Столь непочтительного вида громоотвод конечно задел религиозные чувства сен-омэрцев. Ведь это было почти

вызовом небу, объявлением войны господу богу. Когда же граждане увидали на острие меча пляшущие языки небесного пламени и низвергающуюся молнию, то пришли в ужас. Гнев бога мог спалить маленький французский городок, как Содом и Гоморру. Муниципальные власти предъявили к Виссери де Буавалле иск о снятии неприличного и опасного в пожарном отношении громоотвода. На этом процессе со стороны домовладельца выступал молодой адвокат, — тогда еще двадцатипятилетний юноша Робеспьер. Это имя, конечно, известно вам? Этот процесс, нашумевший на всю Францию, положил начало известности Робеспьера. Он блестяще выиграл процесс и „отстоял“ громоотвод. Процесс этот сыграл немалую роль в распространении громоотводов.

Что касается моих „громоприводов“, то они как будто не представляют опасности. Я предусмотрел все. Меня может погубить только случайная неисправность. Работа в лаборатории сопряжена с гораздо большими опасностями.

— Обсушились? Не хотите ли чаю? Или есть? Мы сейчас будем обедать. А вот и гроза прошла.

В комнату вошла высокая коренастая старуха. Она казалась последним представителем вымершей породы великанов. Старуха искоса взглянула на Клэйтона, сухо поклонилась и начала накрывать на стол.

Следом за ней вошла в комнату девушка. Теперь на ней была белая блузка и клетчатая юбка-шотландка.

— Познакомьтесь, — сказал Микулин. — Елена Ричардовна Лор. Мистер Клэйтон. Турист по призванию.

Еще одно лицо появилось в комнате: молодой человек с калмыцким лицом. На этот раз он был в толстовке и в брюках навыпуск, с туфлями на босую ногу. Это несколько шокировало Клэйтона.

— Грачов, Ефим Яковлевич. А это наша завхоз, повар, ключница и прочее и прочее — Егоровна. Нехватает только ее почтенного супруга — Данилы Даниловича Магвеева, великого ловца зверей. Он вчера с вечера пошел на охоту и еще не вернулся.

Когда все уселись за стол, Микулин рассказывал гостю, как они живут. Лор

и Грачов иногда вставляли свои замечания. Клэйтон слушал и в то же время внимательно наблюдал этих людей и пытался определить их отношения друг к другу. Его больше всего занимал вопрос, какое место в сердце каждого из молодых людей занимает Лор и кто из них завоевал ее сердце. По мнению Клэйтона, роман был неизбежен. Для этого имелись все данные: молодость всех троих, красота Лор, одиночество. Пожалуй, имелись данные даже для драмы: оба молодых человека неизбежно должны были влюбиться в Лор, но, кто же из них счастлив? У Микулина больше данных: он красивее, он шеф этой маленькой общины, наконец, он гениален. А Грачов? Он интересен только своей необычайной веселостью и жизнерадостностью. Разве несчастный влюбленный может так смеяться, как Грачов? Но кто же, кто из них?.. Неужели эти молодые люди умеют так прекрасно владеть своими чувствами? У них равные, товарищеские отношения с Лор. Ни тени „ухаживания“. Они не оказывают ей за столом усуг, общепринятых в кругу друзей и знакомых Клэйтона, как будто она была не девушкой, а их товарищем-юношей. И она тоже не оказывает ни одному из молодых людей особого внимания. Клэйтону даже показалось, что на него она поглядывает гораздо чаще, чем на своих товарищей по работе. Это внимание могло доставить Клэйтону большое удовольствие, но он скромно объяснил свой успех тем, что он здесь новый человек, а жизнь „колонистов“ по видимому не отличается разнообразием.

Обед подходил к концу и Клэйтон начал беспокоиться. Приличия требовали, чтобы он, поблагодарив хозяев за гостеприимство, отправился своим путем. Надо было придумать предлог, чтобы задержаться здесь на возможно большее время. Прикинуться больным — нельзя, так внезапно. На всякий случай Клэйтон решил подготовить почву. Он незаметно перевел разговор на себя и сказал:

— Я, быть может, не совсем точно выразился, аттестовав себя бродягой по призыванию. Это не совсем так. Скорее я бродяга поневоле. Дело в том, что у меня странная болезнь. Англичане пожалуй, назвали бы ее сплином. И только во время путешествия я успокаиваюсь. От

времени до времени у меня бывают сердечные припадки. Иногда они быстро проходят, иногда же мучат меня по нескольку дней.. Позвольте вас поблагодарить... мне пора в путь!

Борис Мироз

Микулин, и даже Лор, предложили ему остаться. Клэйтон едва не со сласился „погостить денек-другой“, но выдержал характер: у него уже был готовый план. Он распростился с новыми друзьями и вышел. Микулин, Лор и Грачов вышли его провожать.

— Если б дети еще в наших краях, заходите! — крикнул ему Микулин.

— Благодарю, ответил Клэйтон, удаляясь от дома. „Выдержка, выдержка“, — шептали его губы.

V. Припадок

У БЕЛОГО камня, лежавшего недалеко от речки, Клэйтон всгретил великана — седого старика с убитой косулей на плечах. Пояс его был увешан гирляндой из горных куропаток и дроф. Из-за спины торчало дуло ружья. Это и был очевидно великий ловец — Данилыч. Клэйтон почти с ужасом посмотрел на него. Старик остановился и учинил Клэйтону настоящий допрос. Узнав, что Клэйтон был у Мирулина, старик смягчился и подал свою, похожую на терелку, ладонь.

„Ну и пава, — подумал Клэйтон, пожимая руку великана и вспоминая старуху, прилуживавшую за столом. — Где они только подобрали друг друга“.

— Кула идешь? — спросил старик. Он со всеми был на „ты“.

— К китайской границе — ответил Клэйтон.

— Так не пройти. Иди к перевалу.. — и Данилыч подробно объяснил путь.

Они расстались. Но Клэйтон на пошел на перевал, а остался в лесу неподалеку от фермы Микулина и начал незаметно наблюдать за фермой. Мысль притвориться больным занимала его. Сначала он хотел высидеть, по какой дороге Лор ездит на прогулку и лечь на ее пути, представившись больным. Но на это надо было потратить не менее двух дней, а Клэйтона охватило нетерпение. Ведь он ушел от Микулина, несмотря на пригла-

шение остаться. Этим самым он достаточно замаскировал свои намерения. И Клэйтон решил „заболеть“, не откладывая этого дела.

Он вернулся к белому камню и улегся на него. Из окон дома камень виден. Рано или поздно, его должны заметить. Клэйтон корчился на камне, как полураздавленный червь, имитируя судороги, и, наконец, замер в глубоком обмороке. Он лежал неподвижно, одним глазом поглядывая на дом. Но его не замечали и никто не шел ему на помощь. Так пролежал он более двух часов. Это начинало ему надоедать. Бок болел от твердого камня. Клэйтон уж хотел встать и придумать что-нибудь другое, как вдруг одна мысль пришла ему в голову.

Джетти уже давно опротивело вынужденное бездействие, он нетерпеливо скреб камень лапами и отрывисто лаял. Клэйтон начал тихо стонать. Нервный пудель не мог переносить стоны и завыл, сначала тихо, а потом все громче. Этот вой был неожиданно подержан густым гулением медвежонка Федыки. Получился довольно дикий дуэт, который должны были услышать все обитатели фермы. Однако, Федыка едва не испортил дела. Он вдруг выбежал из сарая и направился к белому камню. Увидев медведя, Клэйтон с трудом удержался, чтобы не вскочить и не убежать, хотя и знал, что медведь ручной. При том медведи не трогают трупов, а Клэйтон лежал неподвижно, как мертвый. Джетти завизжал так, словно медведь уже драл его, медведь ревел еще громче. На этот шум вышла Егоровна и позвала Федыку. Но тот был слишком увлечен возможностью завязать знакомство с Джетти. Он не отходил от Клэйтона.

— Ах, трясыцы тебя побери! — выбранилась Егоровна и направилась к белому камню. Она отогнала медвежонка, прикрикнула на пуделя, потом обратилась к Клэйтону:

— А вы что тут лежите?.. Спите, что ли? Клэйтон простонал, не открывая глаз.

— Ишь ты, заболел немец! — Для Егоровны все иностранцы были немцы. Она наклонилась над ним, подвела руки под его спину и подняла Клэйтона с такою легкостью, как будто он был маленький ребенок.

Клэйтон совсем иначе представлял свое возвращение на ферму. Он, бледный, с закрытыми глазами, лежит в красивой позе на дороге. Вы жгают очаровательная наездница и видит его. Соскакивает лошади, наклоняется к нему, быть может целует... И вместо всего этого какая-то престарелая великанша несет его под мышкой как зарезанного каплуна!.. Только бы Лэр не видала этой картины.

Судьба смилостивилась над Клэйтоном. Никто не видал этого печального шествия Егоровны с телом Клэйтона на руках. Молодежь работала в лаборатории, а Данилыч свежеевел косялку за сараем. Егоровна принесла Клэйтона в домик с мезонином, положила на скамью и тихо сказала:

— Вот еще навалился на нашу голову. Помрет, пожалуй, наделает хлопот. — И вышла из комнаты.

Клэйтон оглянулся, прыгнул со скамьи и подбежал к окну. Егоровна скрылась в дверях лаборатории, а через минуту опять вышла в сопровождении Лор. Клэйтон быстро отбежал от окна, улегся на скамью и закрыл глаза... Дверь открылась, вошли Егоровна и Лор.

— Как будто дышал еще, — сказала Егоровна. Лэр подошла к Клэйтону и взяла его руку.

— Пульс немного повышен! — сказала она. — Я сейчас схожу за нашатырным спиртом. А вы, Егоровна, приготовьте холодной воды.

Вскоре девушка принесла дорожную аптечку и стала растирать виски Клэйтона одеж лонем, дала ему нюхать спирт, брызгала водою. Только бесчувственный труп мог остаться равнодушным к такому заботливому уходу. Клэйтону хотелось продлить удовольствие, но в то же время ему хотелось и скорее посмотреть на девушку глазами, исполненными благодарности. Он не чужд был романтизма, этот „бродяга по профессии“.

Увы, сцена разрешилась совсем иначе. Лор слишком близко подставила склянку со спиртом к носу Клэйтона. Он чихнул так громко и неожиданно для самого себя и Лор, что та уронила склянку, а Егоровна ахнула густым басом.

— Вам лучше? — спросила Лор. — Как вы себя чувствуете? — И тут же рассмеялась — Вы так напугали меня!

— Простите... Да... Отлично чувствую! То есть ужасно... Боли в груди, сердце... спазмы... Припадок... Все пройдет, надеюсь...

— Лежите спокойно — сказала Лор. — Я вам положу на сердце лед.

— Нет, не надо! — испуганно возразил Клэйтон: — от льда мне будет хуже...

— Не рассуждайте! — строго сказала Лор, как заправский врач.

VI. В стане неизвестного

КЛЭЙТОН „поправлялся“ очень медленно. Правда, встал он в тот же день вечером, но был ужасно слаб.

— Эти припадки обессиливают меня на много дней... — говорил он, — я очень огорчен, что доставил вам столько беспокойства.

Клэйтону очень хотелось сопровождать Елену Лор в ее прогулках, но он должен был выдерживать роль больного. Иногда „припадок“ повторялся в легкой степени. Тогда Лор отказывалась от своей обычной прогулки и ухаживала за больным. Таким образом Клэйтон провел с девушкой не мало часов. По мнению американца, это должно было возбудить ревность у Микулина или Грачова. Но, очевидно, у этих людей были куски льда вместо сердца; никто из них не обращал внимания на то, что Лор проводила все свои свободные часы у постели больного.

Клэйтона поместили в том же доме, где жил Грачов. В среднем доме, примыкавшем к скале, находилась лаборатория. Там жил Микулин, а Лор занимала мезонин в доме, где помещались старики-великаны, — супруги Матвеевы, старообрядцы, когда-то бежавшие в леса Алтая от гонений царского правительства. Вообще за эти несколько дней Клэйтон узнал многое. За эти же несколько дней он ближе познакомился со всеми обитателями фермы Джетти подружился с медвежонком Федькой и они целыми днями гонялись друг за другом, Лор очень полюбила Джетти, Грачов и Микулин дружески встречали больного и всегда осведомлялись о его здоровье. Только старики Матвеевы относились к Клэйтону не очень дружелюбно. Они не могли примириться с тем, что „немец“ оскверняет их жилище дымом „чертова зелья“, — как называли они табак.

Когда Клэйтону было „лучше“, он заходил к Микулину. Ученый встречал его любезно и охотно давал разъяснения.

Борьба Миров

— Мы с Аленкой идем разными путями к одной цели. Аленка, — так Микулин называл Лор, — последовательница классической химии, я — физик. Иногда у нас с ней происходят маленькие споры. Я утверждаю, что классическая химия отжила свой век и что на смену ей идет физика. Даже в тех областях, где химия считала себя неограниченным владыкой. В самом деле, сколько труда тратят химики хотя бы на то, чтобы создать синтетическим

Клэйтон совсем не так представлял свое возвращение.

путем каучук! А я достигаю этого очень скоро при помощи своих катодных трубок высокого напряжения. Вот, полюбуйтеесь.

Микулин подошел к стене и повернул рубильник. Между двумя огромными электродами-полюсами проскочила искра, величиною с яблоко, как показалось Клэйтону.

Микулин передвинул рубильник, и искра превратилась в бешеные потоки голубовато-белого огня, который ревел, трещал, шипел так сильно, что Клэйтон невольно отступил к двери.

— Огойдите еще дальше! — крикнул Микулин — На этом месте однажды едва не убило Аленку.

— А вы? — спросил Клэйтон.

— Мне надо! — ответил Микулин. Он повернул рубильник назад. Страшные огненные змеи исчезли в свою нору, притаились. Но они были здесь, готовые каждую минуту выпрыгнуть по приказу своего укротителя. Да, Микулин, этот красивый юноша с выразительными глазами, был страшный своим могуществом человек.

— Это настоящая молния, — пояснял Микулин. — В ней два миллиона вольт. Но я могу довести напряжение до десятка миллионов. Настоящая молния лопнет от зависти. Теперь смотрите сюда. — Микулин повернул другой рычаг. Шесть длинных стеклянных лампочек, соединенных цепью, засветились приятным зеленоватым огнем.

— Это не так страшно, не правда ли? — спросил Микулин. — А между тем здесь заключены те же ужасные стихийные силы. Но я заставил их служить человеку. Вот из этого ок шечка в трубке я выпускаю „пи лучи“. Это настоящие лучи смерти для многих живых существ. И в то же время они способны делать чудеса, превращая химические элементы. Пусть злится Лор! Это моя физическая катодная химия. Я разбиваю и перемешаю атомы по своему желанию. Из углеводов я могу сделать искусственный каучук, из угля — бензин и нефть. Из дерева — сахар и шелк, и скоро кажется я получу живую протоплазму. — Микулин погасил лампочки. — Идемте, пора обедать.

— Вы кажется скоро будете превращать камни в золото? — шутиливо спросил Клэйтон, волнуясь в душе. Микулин уселся на ступенях крыльца, покачал головой и сказал:

— Не так скоро, как я сам предполагал. — Он взял несколько камешков и начал укладывать их в ряд. — Практическая химия имеет дело с очень небольшим количеством химических элементов. Кислород, водород, углерод, азот. Вот основные строители бесчисленного количества видимых веществ. Молекулы этих элементов вступают во всевозможнейшие отношения, — вот так, как я раскладываю эти камешки. И каждый раз получается новое вещество, то анилиновая краска, то взрывчатое вещество, то ароматическая эссенция. Одним и тем же веществом я могу взогвать скалу или надушить ваш платок. Аленка Лор рекордсмен в этой области. Но все это еще не то, что мне надо. Эта игра в камешки уже не занимает меня. Меня интересует превращение самых „камешков“. Изучая природу самих атомов, перемещая расположение их электронов и протонов, я хочу превращать основные элементы: из кислорода делать водород, из углерода — азот. Тогда я буду мастером „перевоплощения“ материи. Но как много трудностей на этом пути!

— Я похож на путешественника в неведомых странах. Мне надо заготовить „фураж“, прежде чем двинуться в путь, и Лор и Грачев помогают мне в этом. С этим багажом я двигаюсь в путь к намеченной цели. Эта цель кажется близка как горная вершина. Но вы знаете, как горный воздух скрадывает расстояния и обманывает? Вы идете, идете день и ночь, падаете от усталости, а вершина как будто уходит от вас... Вот здесь, на Алтае, есть гора Белуха. Пять тысяч пятьсот метров. Еще ни одна человеческая нога не ступала на эту вершину. А между тем она не кажется такой высокой и недоступной. Попробуйте, взойдите на нее!. То же происходит и со мной. Иногда мне казалось, что я совсем близко у цели. И когда мне оставалось только сделать по ледный шаг, вдруг я видел прежде скрытую от моих глаз расщелину, глубокий провал, который нельзя было перейти. И надо было начинать все снова. Но цели-то своей я в конце концов достигну,

— И будете превращать булыжники в золото?

— И золото в булыжники, — ответил Микулин.

— Скоро?

— Да, теперь скоро. Предварительные работы закончены. В моей лаборатории все приготовлено к опыту. Теоретически вопрос решен. И быть может не пройдет и нескольких дней, как вы будете свидетелем осуществления мечты алхимиков. У всех этих алхимиков было зерно истины! Великий алхимик средних веков араб Абу-Музы-Джафар-аль-Софи говорил, что металлы — тела меняющейся природы, состоят из ртути, т. е. ртути, и серы и потому им можно придать то, что им недостает, и отнять от них то, что находится в избытке. Мы, современные алхимики, действуем очень похожим методом: стараемся изменить атомное строение, отнимая или прибавляя недостающие электроны. Не любопытно ли, что каким-то чутьем алхимики определили, что ртуть по химической природе наиболее близка золоту? В периодической системе Менделеева золото занимает семьдесят девятое, а ртуть — восьмидесятое место, и атомный вес их очень близок: золото 197,2, ртуть — 200,6...

— Обедать! — слышался сильный и низкий голос Егоровны.

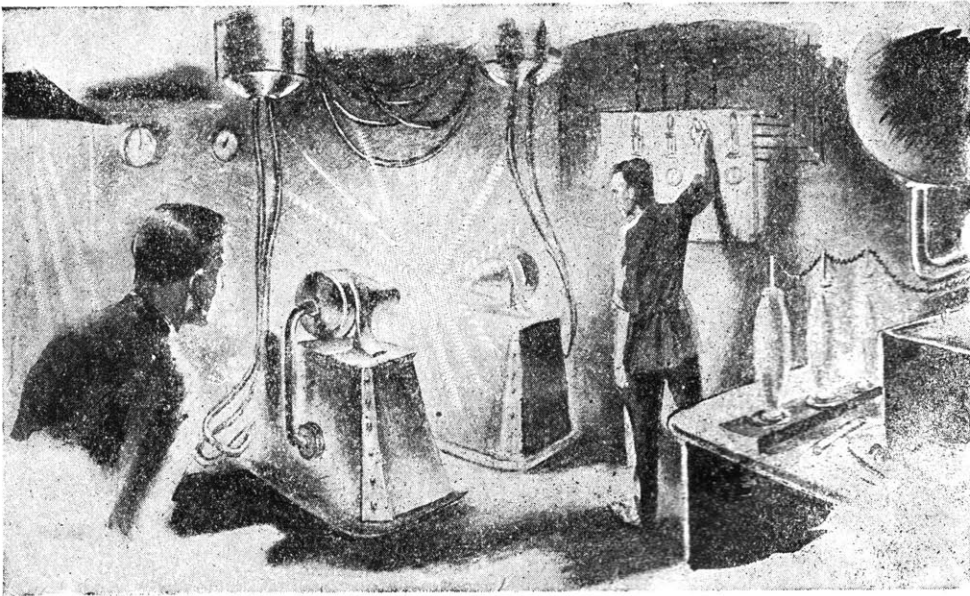
Бориса Мирса

— Идемте обедать, — поднялся Микулин, а сегодня вечером приходите в лабораторию. Вы будете присутствовать в качестве благородного свидетеля при появлении первого золотого слитка.

— „Однако мне везет“, — подумал Клэйтон. Все складывалось лучше и проще, чем он ожидал.

VII. Неудавшийся опыт

ПОСЛЕ обеда Клэйтон вернулся в свою комнату и, как и предполагалось больному, улегся в постель, чтобы проволить свой мертвый час. Но этот мертвый час был наполнен довольно живыми размышлениями. Клэйтону надо было обдумать дальнейший план действий, если секрет получения золота искусственным путем будет открыт Микулиным. Убить! Но это не легко. Совсем не легко. Пожалуй, легче всего убить Грачова. Но он только лаборант. Нечто вроде слуги. П дай, подогрей, возьми... Микулин? Говорят, он гениален. Вполне возможно. Однако Микулин обладает еще одним талантом: привлекать к себе симпатии

Между двумя электродами проскочила искра.

окружающих. Клэйтон старался убедить самого себя, что Микулин замышляет погубить цивилизацию, но маска злодея спала с лица Микулина, и на Клэйтона смотрели большие глаза, от которых трудно было оторвать взгляд.

— Не может быть, чтобы Лор была равнодушна к этим глазам, — прошептал Клэйтон. И мысли его перешли к девушке прежде, чем он „покончил“ с жизнью Микулина. Убить Лор? Убить молодую девушку, похожую на веселого мальчика? Да он и не собирался никого убивать! Он узнает о том, что секрет золота открыт, сообщит Додду и пусть они делают, что хотят. Впрочем нет. Клэйтон был бы плохим патриотом, если бы отказался выполнить свой гражданский долг. Надо меньше размышлять, а больше делать. Я не возбуждаю подозрений у Микулина и спрошу его прямо, как он думает использовать свои изобретения. Если он в самом деле думает сделать их орудием революционной борьбы, то с ним и со всеми ими не придет я церемониться.

Вечером Клэйтон отправился в лабораторию. Там уже кипела работа. Лор и Грачов видимо волновались. Грачов хотел скрыть свое волнение под маской обычной шутиivosti.

— Как ты думаешь, Еся, — спрашивал он у Микулина, — скоро у нас из золота будут общественные уборные делать?

Микулин улыбался, как всегда. Ни малейшего напряжения мысли не видно было на его большом открытом лбу, как будто Микулин делал совсем простое, обыденное дело.

— Сыпь сюда, на эту полочку, — приказал он Грачову вместо ответа. Грачов насыпал на небольшую полочку у стеклянной трубки белого порошок.

Руки Грачова немного дрожали.

— Дзвально?

— Довольно, Ефим, спасибо. Аленка, отойди, ты опять стоишь против трубки. Сейчас буду пускать ток...

Лор отошла. В лаборатории наступила торжественная тишина. Микулин повернул рубильник. Загудел мотор, затрещала искра. Пустотные трубки наполнились зеленоватым сгнем. Четыре пары внимательно смотрели на белый порошок.

— Идет! — крикнул Грачов. — Чернеет!

Сейчас золотеть начнет...

— Ничего не идет, — спокойно ответил Микулин. — Порошок не должен чернеть. Вскоре белый порошок сделался черным, как уголь.

Микулин рассмеялся и, обратившись к Клэйтону, сказал:

— Простите, я поторопился позвать вас. Опять неудача! Хотя я не понимаю, как это могло случиться. Аленка, иди сюда на расправу.

На лицах Лор и Грачова было написано самое искреннее огорчение.

Микулин и Лор зашли за небольшой чертежный столик. Микулин начал быстро писать на старом чертеже химические формулы, от времени до времени обращаясь к Лор с вопросом:

— Так?

Смушенная девушка кивала головою.

— Пока все верно, — вздохнул Микулин. — Но был ли химически чистый препарат? Достаточно ли тщательно ты промыла посуду?

— Я...

— А ну, пойдем в твою лабораторию. — И еще раз обратившись к Клэйтону, Микулин сказал:

— По независящим от дирекции обстоятельствам спектакль не состоится. Публика может получить из кассы деньги обратно.

— Но может быть, позже? — спросил Клэйтон.

— Если вы имеете терпение подождать. Мы не окончим работу, пока не отыщем ошибку или причину неудачи. И если нам посчастливится, — мы сегодня же попробуем повторить опыт.

— Я подожду, — сказал Клэйтон.

Выйдя на крыльцо, он сел на ступеньки и закурил трубку. Дверь в лабораторию была открыта. Проходили часы за часами, а Микулин, Лор и Грачов все еще работали в лаборатории. Иногда слышались вопросы Микулина и быстрые ответы Лор.

Месяц зашел за гору, утренний холодок заставлял ежиться. В лаборатории заговорили громче, потом затихли. Клэйтон подошел к окну и посмотрел. Три головы склонились над большой колбой, под которой горела бунзеновская горелка.

— Ага! — воскликнул Микулин. — Кто прав?

— Как всегда, ты, — ответила Лор. — Но кто виноват?

— А кто мыл посуду?

— Ефим.

— А-а! — зарычал Микулин и вытащил Грачова из лаборатории на крыльцо.

— Заждались? Вот он — преступник! — сказал Микулин. Ефим Грачов, погубивший первый слиток золота. И из-за него общественные золотые уборные будут построены несколькими часами позже!

Грачов был так огорчен, что на глазах у него появились слезы.

— Ну не грусти, Ефим. С кем не бывает — утешал его Микулин. Лор тоже вышла из лаборатории, на ее лице также было написано огорчение и усталость. Она проработала всю ночь с большим напряжением. Глаза ее смыкались.

— Будем продолжать? — спросил Микулин, — он совсем не выглядел утомленным, но, посмотрев на своих усталых товарищей, сказал:

— Basta! Пора спать. Завтра мы до обеда успеем приготовить все для опыта.

Грачов хотел протестовать, но Микулин настоял на своем.

— Пусть отдохнут, — сказал он Клэйтону, когда Лор и Грачов ушли. — Они много поработали. У самой цели перед нами опять открылась пропасть и нам не удалось перейти ее сегодня. Но это пустяки. За ночь, пока они будут отдыхать, я поработаю в лаборатории и сам приготовлю все для опыта. А вам тоже пора спать, мистер Клэйтон. Ваша трубка давно погасла.

— У меня бессоница — ответил Клэйтон. И если бы я мог быть полезен, я охотно помог бы вам.

— Не откажусь от вашей помощи, — ответил Микулин, и они прошли в химическую лабораторию Лор.

Клэйтон был довольно сообразительным и ловким малым, и через час Микулин говорил:

— А знаете, из вас вышел бы прекрасный помощник! У вас все в руках спорится. Вы не привыкли к химической посуде, и все-таки ничего не бьете и не роняете.

Клэйтон был польщен этой похвалой. Они проработали все утро. Солнце уже давно осветило вершины деревьев и бе-

лый камень, когда, наконец, они кончили приготовления.

— Готово! — сказал Микулин, — теперь пойдем, подышим свежим воздухом.

Горькая Миссия

VIII. Удовольствие быть чортом

ОНИ вышли из дому и направились мимо белого камня, вдоль берега бурливой речки. Утреннее солнце золотило ивы и тополя. Микулин посмотрел на снежную вершину дикой горы, окутанную легкой дымкой.

— Отличное утро, — сказал Микулин. — А гроза все-таки будет сегодня. Она, пожалуй, и лишняя. Мои аккумуляторы заряжены и мои кладовые полны консервированными молниями. Притом у меня есть небольшая гидростанция. Скоро опыты закончатся, и энергия нужна будет только для производства золота. Положим, на это потребуется немало энергии.

— Что вы будете делать с золотом? — не удержался от вопроса Клэйтон.

— А мы наденем ярмо на золотого тельца и заставим его пахать наше поле! В древнеиндийских книгах — Атава-Веда золото называется жизненным эликсиром. Смстрите на этот край. Природные богатства его неисчислимы. Красота неописуема. Климат прекрасный. А кто здесь живет? Дикий зверь, птица, да горсточка людей. Что может сделать золото с этим диким краем? Тысячи водопадов и горных речек будут вращать колеса турбин. По красивым долинам заснут новенькие трамвайные вагончики, задымят заводские трубы, вырастут дворцы-санатории, оживут горы и леса. И не только здесь, на Алтае, золото станет эликсиром жизни. Мы не будем зависеть от иностранного кредита... — и Микулин начал с увлечением говорить о том, как быстро будет развиваться хозяйство страны, увеличиваться благосостояние масс... Но Клэй она мало интересовала эта тема. Это было, так сказать, употребление золота для мирных целей. Клэйтона интересовало иное. Дождавшись паузы, он спросил:

— В Атава-Веда золото названо средством против колдовства. Против какого же колдовства вы собираетесь использовать золото?

— Против колдовства самого же золота. Против колдовства капитала, поработившего рабочих, ослепившего разум людей блеском золота. Помните, я говорил вам, что из одного и того же вещества я могу сделать ароматическую эссенцию и взрывчатую смесь? Мое золото — это тот же динамит. Оно взорвет капитализм изнутри!

„Додд был прав. Вот когда Микулин показал свое настоящее лицо!“ — подумал Клэйтон.

— Но ведь это причинит большие несчастья людям. Я хочу сказать, пока вам не удастся осуществить ваш новый строй...

— А скажите, положив руку на сердце, разве строй любезной вашему сердцу Америки обеспечивает счастье большинству населения? И даже те немногие, кто наслаждается счастьем за счет несчастья других, разве богачи спокойно наслаждаются своим счастьем? Разве их не беспокоит мысль о возмездии, о призраке революции? Спокоен только тот, за кем будущее.

Микулин еще долго говорил о грядущей революции, о гибели капитализма, но Клэйтон думал только об одной фразе: спокойным может быть только тот, за кем будущее. Чорт возьми, выходит, что будущее за большевиками! Ну, он убьет Микулина, убьет Лэр и Грачова, а дальше что? Всех большевиков он перебить не сможет. А значит, — бояться революции придется попрежнему. Счастливая Россия. Ей не грозит революция, не грозит страшный призрак, который не дает спокойно спать европейским и американским капиталистам.

„Лучший способ перестать бояться чорта — самому стать чортом“, — подумал Клэйтон.

— По-китайски Алтай называется Киншан — золотая гора, — продолжал Микулин. — И ему не напрасно дано такое название. В горах Алтая очень много золота, — я делаю разведки. Но это золото может спокойно оставаться в земле. Гораздо проще и дешевле будет получать золото лабораторным путем. Я поставлю производство на широкую ногу, и здесь в буквальном смысле возникнет золотая гора.

— „А если этот чорт будет обладать золотыми горами, то быть одним из чертей совсем не плохо!“ — продолжал развивать свою мысль Клэйтон.

Микулин еще о чем то говорит, а Клэйтон, почти засыпая, думает: „И как это мне раньше в голову не приходило? Останусь здесь, женюсь на Елене Лор“. Распростившись с Микулиным, Клэйтон вошел в дом, быстро разделся, лег на кровать и уснул мертвым сном.

Никогда не спал он так крепко. Но этот могучий сон был прерван сильнейшими ударами грома. Клэйтон открыл глаза и долго не мог сообразить, где он и что с ним. Гроза! Синие зигзаги режут за окном серую муть. Отсветы молний озаряют бревна стены. Где то кричат... Или это ему показалось? В промежутке между ударами грома ясно послышался голос Микулина. А вот громopodobный голос Данилыча...

Клэйтон подбегает к окну. Удивительное зрелище! Один из металлических стержней на крыше дома, в котором помещается лаборатория, наломился. Молнии ударяются в этот стержень и соскакивают на ниже лежащий шпиль уже не по проводу, а прямо по воздуху. Клэйтон понял всю опасность положения. Сильная молния может перепрыгнуть не на шпиль, а прямо на крышу. Вот один огненный клубок прыгнул на крышу, и она задымилась... Дом сгорит, а с ним и все научное оборудование, лаборатории дорогие машины... Клэйтон быстро оделся и выбежал на улицу.

Вокруг дома толпится вся колония: Микулин, Лэр, старики Матвеевы и Грачов. Он в странном костюме, похожем на костюм водолаза. Это изоляционный костюм. На руках, толстые резиновые перчатки. В правой руке палка с резиновым наконечником. Грачов забегает за угол дома и через минуу появляется уже на углу крыши. Он видимо хочет сбить палкой кусок обломанного, наклонившегося стержня.

Клэйтон даже через удары грома услышал, как вскрикнула Лор, увидав Грачова на крыше. Несмотря на изоляционный костюм, Грачов подвергался страшной опасности. Микулин, желая перекричать гром, потрясая кулаками, требовал, чтобы Грачов немедленно вернулся обратно. Но,

не обращая внимания на крики Микулина Грачов продолжал медленно ползти по скользкой крыше. Несколько раз молния ударяла в шпиль на расстоянии какого-нибудь метра от смельчака.

Видя, что Грачов не слушает его, Микулин, крича на ухо, приказал Данилычу стянуть Грачова с крыши багром. Великану старику ничего не стоило достать Грачова, не влезая на крышу. Но в тот момент, когда он уже поднимал багор, молния ударила в сломанный стержень. Минув резиновый наконечник, она перескочила на мокрую палку, которую держал в руках Грачов, скользнула по ней и ослепительно взорвалась как показалось Клэйтону, на груди Грачова. В то же мгновение раздался такой страшный удар грома, что Клэйтон зашатался, а Лор упала на колени. Клэйтон закрыл глаза, ослепленный молнией, но тотчас заставил себя опять открыть их. Тело Грачова, окруженное облаком пара и синим дымком, сползло с крыши и упало на землю.

— Ефим! — крикнула Лор и бросилась на грудь Грачова, как бы желая своим телом потушить еще тлеющую одежду. Клэйтон содрогнулся, почувствовав запах горелого человеческого мяса. Лицо Грачева было иссиня-черно, изоляционный костюм, одежда и белье изорваны.

Микулин подбежал к Лор и поднял ее с земли. Она посмотрела на Микулина, тяжело вздохнула, закусила губу и замолкла. Она удивительно скоро справилась со своим волнением. Но Клэйтон не мог забыть ее короткий крик. О товарище и друге так не станет сокрушаться женщина, — по крайней мере американская. Значит или Лор любила Грачова или же чувство товарищества у них гораздо глубже и сильнее, чем у людей того круга, в котором жил Клэйтон.

Опять загремело. Молния вновь ударила в стержень, перескочила на шпиль и ушла в землю. Гроза затихала, но положение продолжало оставаться серьезным. Данилыч унес труп Грачова, а Клэйтон думал, что предпринять. Вдруг его осенила блестящая мысль. Он сбежал к себе в дом за своей прекрасной автоматической винтовкой, Клэйтон был неплохой стрелок. Несколько выстрелов, и надломленный конец стержня упал, он уже не мог больше отводить молнии в сторону. Еще одна мол-

ния упала на стержень и ушла в землю уже по проводу. Опасность миновала. Микулин с благодарностью взглянул на Клэйтона. И этот взгляд обрадовал Клэйтона гораздо больше, чем он сам ожидал. Нет, решительно Микулин обладает тайной привлекать к себе сердца людей!

Наконец гроза окончилась. Лор ушла, и у дома остались Микулин, Егоровна и Клэйтон. Егоровну Микулин отослал к Лор.

— Бедный Грачов, — сказал Микулин. Его лицо как будто постарело, а в глазах появилась тайная глубокая и искренняя скорбь, какую Клэйтону не приходилось видеть никогда в жизни. Но прошло несколько мгновений и спокойный взгляд Микулина уже был устремлен на крышу — на струйку дыма, курившегося в том месте, где был убит молнией Грачов.

Клэйтон все больше удивлялся этим людям. Их психология казалась ему необычайной. Быть может это психология будущего человека? Эта глубина переживаний и вместе с тем умение быстро „переключить“ свое внимание на другое, сосредоточить все свои душевные силы на одном предмете? С какой самоотверженностью полез Грачов прямо в огонь, не думая ни о чем, кроме спасения лаборатории!

— А ведь крыша тлеет! — сказал Микулин. Он сбежал за топором, влез на крышу и начал отдира́ть гонт. Скоро показались красноватые языки пламени.

— Так и есть! — сказал Микулин и, продолжая работать топором, крикнул Клэйтону:

— Сбегайте пожалуйста в лабораторию и принесите огнетушитель. Он висит на стене у двери направо!

И Клэйтон, который явился сюда для того, чтобы убить страшного Микулина, с большой готовностью побегал исполнять его приказания. Этот „холодный огонь“, скрытый энтузиазм начал заражать Клэйтона. Он принес огнетушитель и взобрался на крышу. Отсюда он видел, как из дома, куда Данилыч внес труп Грачова, вышла Лор. Если бы не ее суровое лицо и чуть-чуть сдвинутые брови, никто не мог бы предположить, что эта девушка только-что перенесла сильнейший удар.

Гороба Мирса

— Потушили? Я ничем не могу вам помочь? — спросила Лор.

— Конечно, — ответил Микулин. — Иди отдохни, Аленка!

Лор молча удалилась. Микулин и Клэйтон слезли с крыши.

Вечером в тот же день в сосновом гробу, сколоченном Данилычем, тело Грачова было опущено в землю. Засыпали. Молча постояли над могилой. Только Данилыч что-то шептал.

Через несколько дней, сидя за вечерним чаем, Микулин сказал:

— Трудно теперь работать без Грачова.

— Да, — ответила Лор. — Придется написать кого-нибудь из наших ребят. Но на это уйдет не мало времени.

— Разрешите мне сделать одно предложение, — сказал Клэйтон. — Я одинок, решительно ничем не связан. Для меня „где хорошо, там и родина“, как говорили римляне. Здесь мне очень хорошо. Болезненные припадки не повторяются. С каждым днем я чувствую себя здоровее. Я с большим удовольствием остался бы у вас по крайней мере до весны и помогал бы вам в лаборатории.

Микулин взглянул на Лор.

— А что, Аленка, ведь это не плохо? Мистер Клэйтон уже помогал мне и оказался способным. У него ловкие руки.

IX. Клэйтон строит мосты

КЛЭЙТОН достиг цели. Он присутствовал при опытах, мог следить за „пушеством“ Микулина по неведомым странам молекул, атомов и электронов. Постепенно Клэйтон начал и сам знакомиться с этими удивительными странами. Его сведения были поверхностны, и быть может не совсем точны. Но он обладал живым воображением и даже во сне Клэйтону снились атомы и электроны. Он был в необычайном мире микрокосма. Он видел центральные ядра-протоны, вращающиеся вокруг самих себя, как солнца. Видел планеты-электроны, которые вертелись, как волчок и облетали вокруг центрального ядра. Иногда крайняя „планетка“ отрывалась от своей солнечной системы, пододвигаясь слишком близко к другому солнцу. Равновесие нарушалось. В маленьком мирке происходили настоящие „космические бури“. Вечные стран-

ники — „ионы“, как кометы, прорезывали солнечные системы атомов и нередко становились пленниками. Закон всемирного тяготения царил и здесь. Бродячие электроны превращались в планеты, вращающиеся как на привязи вокруг солнца. Это был мир вечного движения, вечно меняющийся и в то же время устойчивый. Вечно нарушаемое равновесие тотчас восстанавливалось.

И вот, приходит Микулин со своей „пушкой“ и начинает бомбардировать электроны пи-лучами. Атомы расщепляются. Отдают внутреннюю энергию. Процессы, на которые природа тратит миллиарды лет, проходят в несколько минут... Клэйтону снятся груды золота, золотые горы Кин-шан.

Придя на утро в лабораторию, Клэйтон рассказывал Микулину свои сны. Микулин внимательно слушал, иногда смеялся и говорил:

— Вы делаете успехи.

Клэйтон поражался работоспособности Микулина. Микулин работал не отрываясь, целые дни и неизвестно, когда спал. Кажалось, никакие интересы не существуют для него, кроме науки. Но Клэйтон знал, что научный энтузиазм поддерживается у Микулина чисто практическими целями — сделать жизнь трудящихся лучше, легче, богаче.

Наконец, настал день, вернее вечер, когда Микулин возобновил свой опыт с превращением элементов.

На этот раз уже Клэйтон положил белый порошок на полочку у окошечка стеклянной лампы.

— А что это за порошок? — спросил Клэйтон.

— Висмут.

— И из него вы сделаете золото?

— Сейчас увидите.

Микулин повернул рубильник под напряжением тока в пять миллионов вольт, электроны завились винтом и с необычайной силой начали вылетать из окошечка. Никто их не видал, но зато видна была их работа: через несколько минут порошок висмута превратился в крупинку какого-то вещества, впрочем мало похожего на золото.

— Опять неудача?

В долинах Алтая задымят заводские трубы. заснут вагонетки трамвая...

Борьба Миров

— Все в порядке, — ответил Микулин, рассматривая полученный элемент. — Это свинец. Будем продолжать опыт.

Свинец был превращен в талий. А из талия получилась блестящая капелька ртути. Еще раз вспыхнули трубки-лампы зеленоватым огнем, — и ртуть превратилась в горошину чистейшего золота. У Клэйтона дыхание перехватило.

— Что же вы будете делать с этим перенцем? — спросил он.

— Вновь превращу в висмут.

Клэйтон вздохнул. Золото превратится в порошок от расстройства желудка. Нет, решительно этот человек не от мира сего!

Микулин увидел огорченное лицо Клэйтона и рассмеялся.

— Вам так жалко этой горошины? Так и быть, я подарю вам ее. Можете сделать из нее брелок.

— Благодарю вас, — ответил Клэйтон, бережно опуская золотую горошину в жилетный карман. — Теперь вы займетесь производством золота?

— Вы ошибаетесь, мой друг. Эта горошина обошлась мне ровно в три раза дороже, чем стоит такой же кусочек ископаемого золота. Мой способ добычи золота еще не рентабелен, как говорят хозяйственники. Мое открытие еще не имеет практической ценности. Нужно удешевить производство золота.

Клэйтон был и разочарован и обрадован одновременно. Разочарован тем, что к золотым горам нужно еще долго идти, обрадован тем, что предстоит дальнейшая работа с Микулиным.

Потянулись рабочие дни. Микулин неустанно продвигался вперед по стране неведомого. Лор „заготавливала фураж“, делала подготовительные опыты, Клэйтон помогал Микулину „строить мосты“ через пропасти и совершать обходные движения. Иногда один и тот же опыт Микулин повторял по десять раз, иногда работа целой недели шла на смарку, и приходилось начинать все снова. Электроны вели себя совсем не так, как им полагалось по предварительным расчетам. Надо было найти причину, а для этого приходилось делать новые и новые опыты.

Х. Сердце женщины

КЛЭЙТОН нередко сопровождал Лор в ее прогулках. Что касается Микулина, то он предпочитал гулять в одиночестве, чтобы ему никто не мешал думать. Притом и эти редкие прогулки Микулин совершал в предутренние часы, проработав всю ночь напролет. Таким образом Микулин не мешал Клэйтону.

Однажды Клэйтон и Лор заехали к самому болоту, и Клэйтон решил поговорить с девушкой о том, что давно занимало его.

— Присматриваюсь я к вам, новым для меня людям, и многого не понимаю — начал он издали.

— Что же вам не понятно? — спросила Елена.

— Да вот... хотя бы вы для меня загадка. Простите, что я говорю о вас, но мне кажется, что...

— Пожалуйста, говорите.

— У нас, в Штатах, — с вашего разрешения, я буду откровенен, — девушку вашего возраста и вашей... внешности сочли бы ненормальной, если бы она никого не любила. Женщина остается женщиной. И склянки с пробирками не могут, не должны заменять в ее сердце живого человека, живой любви. Я помню ваш короткий крик над трупом Грачова. Вы так горячо любили его. Этого я не заметил в ваших отношениях к Грачову. Еще меньше это можно сказать про ваши отношения к Микулину. А возникновение любви к нему тем более вероятно, что здесь нет выбора.

— Почему же нет выбора? — задорно спросила Лор. — Вот, вы, например?

Это было так неожиданно, что Клэйтон покраснел, как школьник.

— Я... я не выдерживаю никакого сравнения с мистер... товарищем Микулиным, — сказал он, запинаясь.

— Отчего же не выдерживаете? — не унималась Лор. — Вы мне нравитесь. Мне кажется, что я даже влюблена в вас. И даже очень!

Клэйтон едва не слетел с седла, перед ним была новая женщина, новый человек. Вместо ученой, веселой, но с холодным сердцем женщины, Клэйтон увидел какое-то двуликое существо, — не то прожженную кокетку, не то наивную девочку,

которая говорит такие вещи, что голова идет кругом. Лор засмеялась, глядя на осевшую фигуру Клэйтона и его растерянное лицо. Потом вдруг стала серьезной: — Да, я люблю вас.

— Любовь? — воскликнул Клэйтон и... мгновенно его лицо побледнело. Он едва не лишился чувств. Лор принуждена была поддержать его.

— Что с вами, Клэйтон, вам дурно?

— Н-ничего... небольшой сердечный припадок... сейчас все пройдет.

Круто повернув лошадь, он поскакал по направлению к дому. Лор последовала за ним.

Вдруг откуда-то из болота донесся протяжный стон.

— Что это, Клэйтон, вы слышите?

— Наверно, болотная птица, выпь, — сказал он. Румянец уже вернулся на его щеки.

— Но выпь кричит по ночам.

— На болоте часто слышатся странные звуки, — сказал Клэйтон. — Мне говорили, что когда выходят газы, болото стонет.

Они замолчали прислушиваясь, но кругом все было тихо.

До самого дома Клэйтон ехал задумчивый.

„Неужели его так расстроило мое признание“, — думала Лор.

XI. Свидания на болоте

ЛОР соскочила с лошади, сама отвела ее в конюшню и поднялась к себе на мезонин. А Клэйтон, оставшись один в своей маленькой комнатке, схватился за голову.

Разговаривая с Лор о любви и кинув взгляд на болото, он на болотном острове увидел своего проводника-охотника и рядом с ним Додда. Охотник махнул рукой, но не крикнул: он видел, что Клэйтон не один. Потом скрылся за густыми ветвями ивы и несколько раз прокричал, как выпь. Выпь кричит в полночь. Не значит ли это, что в полночь Клэйтон должен прийти на болото? Ну да, конечно. Додд явился Клэйтон совсем начал забывать о нем и о своем поручении. После сегодняшнего разговора с Лор, у Клэйтона были на уме совсем другие мысли. Да и вообще за это время он во многом изменился. Общение с Микулиным не проходило даром. Неза-

метно для себя, Клэйтон начинал все больше увлекаться мыслью о строительстве новых, неведомых в истории человечества форм жизни. Микулин умел рисовать грандиозные перспективы будущего, превосходившие своими масштабами даже американский размах. И если Клэйтон еще не совсем освоился с мыслью, что будущее за Советской Россией, а не за его Штатами, то от былой его национальной гордости не осталось и следа. Теперь он был не в силах убить Микулина, не говоря уже о Лор.

Но что делать? Что сказать Додду, который не знает его сомнений и колебаний? У Додда все ясно и непоколебимо: интересы Штатов выше всего.

Клэйтон посмотрел в окно. Солнце село. Быстро сгущались сумерки. Только на вершинах гор тихо догорал закат.

„Ну, что я ему скажу?...“ — думал Клэйтон.

Он вышел из дома, когда совсем стемнело, и медленно побрел к болоту. Где-то далеко шумел горный водопад. Этот однообразный мягкий шум не нарушал молчания ночи.

Клэйтон подошел к краю болота. В тот же момент крикнула выпь и вдали сверкнул огонек. Это Додд, подавая знак, зажигал и гасил карманный электрический фонарик.

Осторожно ступая по болоту, Клэйтон добрался до островка, на котором его ожидали Додд и охотник.

Додд по обыкновению крепко, до боли пожал руку Клэйтона.

— Как дела? — спросил он. — Овладел Микулин секретом делать золото?

— Да, но он может делать золото только лабораторным способом. Его изобретение не имеет никакого практического значения. Сейчас он изыскивает способы найти средство делать золото наиболее дешевым путем. Но это ему не удается.

— Не удастся сегодня, удастся завтра. — сказал Додд. — Вопрос о Микулине решен. Вот, возьмите... Это адская машина большой разрушительной силы. Вы установите ее в лаборатории Микулина с таким

Бориса Мироз

Бориса Мироз

расчетом, чтобы она взорвалась, когда Микулин там будет работать со своими помощниками.

Клэйтон взял тяжеловесную коробку и скинул смущенно:

— Едва ли мне удастся... Микулин не разрешает мне входить в его лабораторию. Она усиленно охраняется. У Микулина много лаборантов, а на ферме рабочих и сторожей... Мне удалось до сих пор оставаться на ферме только потому, что я притворился тяжело больным.

Додд зорко посмотрел на Клэйтона.

— Уж не трусите ли вы? — спросил он. — Даю вам пару дней на исполнение этого поручения. Если вас что-нибудь задержит, придите сюда и скажите. В крайнем случае, если вам в самом деле не удастся, у меня есть другой проект. Мы организуем вооруженное нападение хунхузов. Здесь они нередко переходят границу и охотятся, а иногда и грабят местных жителей. Итак, до свидания через два дня на этом самом месте.

— До свидания! Постараюсь выполнить поручение, — сказал Клэйтон и отправился в обратный путь, осторожно неся опасную коробку.

Когда болото осталось далеко позади, Клэйтон остановился, послушал и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, вырыл руками яму под корнями ели, положил туда коробку и закопал.

Был третий час ночи, когда Клэйтон вернулся на ферму. В окне лаборатории светился огонек. Микулин еще работал. Клэйтон вошел в лабораторию, открыв дверь, которая никогда не закрывалась.

— Все работаете? — спросил Клэйтон, присаживаясь на белую табуретку.

— Да, и очень успешно, — ответил оживленно Микулин. — Мне удалось разрешить задачу раньше, чем я думал. Вот, не угодно ли полюбоваться! — Микулин высыпал из склянки на ладонь щепотку золотистого порошка.

— Золото. Здесь пять граммов. И получение этого золота не стоило пяти копеек. Теперь держитесь, Клэйтон, мы с вами скоро перевернем мир!

Клэйтон поднялся, прошелся по лаборатории и сказал:

— Послушайте, Микулин. Вы сказали: мы с вами перевернем мир. Почему вы

так доверяете мне? Я ведь пришел неведомо откуда. А что если я шпион, если я подослан сюда, чтобы убить вас или украсть секрет вашего изобретения?

Микулин внимательно посмотрел на Клэйтона.

— Я охотно отвечу на ваш вопрос. Не доверие всегда порождается страхом, а я не боюсь, поэтому и доверяю вам. Вы можете убить меня, но разве вы можете убить научную мысль? В худшем случае, вы только немного задержите ход событий. И потом, говоря лично о вас, — если бы вы захотели убить меня, то давно могли бы это сделать. Значит, или у вас не было такого намерения или же вы неспособны на убийство. Что же касается кражи моего секрета, то пожалуйста, — если только вы что-нибудь усмотрите в нем. Этим путем вы только ускорите гибель ваших любезных Штатов.

— Хорошо, допустим, что вы не боитесь политических врагов, но ведь еще есть бандиты, — возразил Клэйтон. — Говорят, здесь иногда появляются шайки хунхузов. Что, если они явятся сюда? Нас только трое мужчин. Я не видал у вас даже ружей. Как вы сможете защищаться? Не может быть, чтобы вы не дорожили своей лично жизнью. Наконец на вас лежит ответственность за сохранение жизни... живущих здесь женщин...

Микулин ссыпал порошок с ладони обратно в склянку и, не оборачиваясь, сказал:

— Или вы, Клэйтон, влюблены, или же что-нибудь в самом деле обеспокоило вас. Говорите прямо, в чем дело.

Клэйтон смутился. Хорошо, что Микулин был занят своими колбами.

— Я... мне показалось... я сегодня гулял в лесу. Мне послышалось как будто кто-то пел...

«Зачем я говорю это, — думал Клэйтон, — ведь я выдаю Додда. Может быть Микулин пошлет своего великана на разведку.

— Ну и что же в этом удивительного? Тут нередко бродят охотники, — беспечно ответил Микулин. — Пусть поют. Тот, кто поет, — не опасен.

На другой день Микулин окончательно убедился, что Клэйтон влюблен: в первый раз его помощник разбил две пробирки

и сделал несколько ошибок, помогая Микулину в вычислениях.

Клэйтон очень волновался. Ему хотелось признаться во всем. Но вместе с тем, он не хотел предавать своего недавнего товарища и к тому же соотечественника. Американец еще не умер в Клэйтоне. Признаться Додду в том, что он, Клэйтон, не хочет выполнить поручения, Клэйтон также не решался. Додд сочтет его трусом, и может быть даже предателем. Тогда Клэйтону не сдобровать...

Не итти на болото тоже рискованно. Если Додд организует бандитское нападение, то не поздоровится и Клэйтону... Нет, надо итти, но как-нибудь затянуть дело. А там, может быть, найдется выход... Проще всего было бы бежать отсюда, предоставив Микулина и Додда самим себе. Но Клэйтон не мог уйти без Лор, а она конечно не покинула бы Микулина.

Так Клэйтон ничего и не придумал, отправляясь на болото в условленное время. Ночь была темная. И ему казалось, что кто-то крадется за ним. У Клэйтона замирало сердце, когда он слышал за собою хруст веток, шелест листьев, хотя ветра не было. Казалось, — кто-то раздвигал ветки рукою... Неужели Микулин следит за ним?... Один раз Клэйтон даже остановился и тихо спросил: „Микулин, это вы?“ — но не получил никакого ответа.

Вот и болото... Додд сигнализирует короткими вспышками огня...

— Я не слышал взрыва. — строго сказал Додд, еще не подавая руки.

— Мне удалось поставить адскую машину, но она не взорвалась. На утро ее нашел Микулин и учинил настоящий допрос. Он...

Додд схватил Клэйтона за руку выше локтя и крепко сжал ее.

— Вы лжете, Клэйтон. Адская машина не могла не взорваться. Я сам заряжал ее. Говорите, что вы сделали с адской машиной? Впрочем можете ничего не говорить. Я больше не верю вам. Вы не тот. Вас как будто подменили. Скажите, что с вами случилось, Клэйтон? Может быть там есть женщина?

„И он о том же“, — с тоскою подумал Клэйтон. И вдруг неожиданно для самого себя сказал:

— Да, вы отгадали, Додд. Там есть женщина.

— Ну вот, теперь все понятно, — сказал Додд. — Вы больше не пойдете туда, Клэйтон. Недоставало, чтобы вы стали защищать Микулина. Вы пойдете с нами. У меня есть на складе дюжина отличных головорезов. Они быстро справятся с людьми Микулина, хотя бы их было там две дюжины.

— Но я не могу оставить ее — с искренним чувством сказал Клэйтон.

— Вы не пойдете к ней. И никогда ее не увидите. Теперь вы должны повиноваться мне.

— Но почему должен, чорт возьми? — возмутил Клэйтон.

— Хотя бы потому, — ответил спокойно Додд, направив на Клэйтона дуло револьвера...

— Это конечно отличный аргумент, но... послушайте, Додд. Вы говорите, что у вас дюжина головорезов, которые могут справиться с двумя дюжинами здоровых молодых... В таком случае, буду я на вашей стороне, или на стороне Микулина, это не решит исход сражения. Если я вам изменю, вы прикажете своим головорезам прирезать и меня, — только и всего. Но я не собираюсь изменять вам. Я только хочу быть возле девушки и спасти ее. Ведь не собираетесь же вы убивать молодую, красивую девушку... Если я останусь здесь, то Микулин поймет, что против него замышляется что-то неладное. И он примет свои меры. А он не так беззащитен, как вы думаете. У него есть молнии, которые он держит как факир змей в корзинке. Он может выпустить свои молнии и они убьют вас. Если же я буду с ним, он будет спокоен, и вам легче осуществить свой план.

Додд подумал, проворчал „горе с этими влюбленными“, но все-таки отпустил Клэйтона.

— Но помните, если только вы совершите что-нибудь во вред мне, вы будете убиты вместе с вашей красавицей! Я не пощажу никого. Еще одно поручение, подождите. Я приведу хунхузов через два дня. Вы должны сообщить нам, когда удобнее произвести нападение. Приходите сюда в среду, в двенадцать часов ночи.

— Когда же кончится это мучение? — думал Клэйтон, возвращаясь на ферму.

Борьба Мирск

И опять ему показалось, что за ним кто-то крадется.

„Однако нервы мои начали расстраиваться“, — думал он, оглядываясь назад.

На другой день, отговорившись нездоровьем, он не пошел в лабораторию. Ему надо было решить — идти с Доддом или против Додда. Но он ничего не решил, и второй день провел в тех же размышлениях на белом камне. А когда настала ночь, он побрел вдоль реки к болоту. И как в прошлый раз, чьи-то шаги преследовали его.

— У меня все готово, — сказал Додд. — Когда лучше произвести нападение?

— Завтра днем. Еще с утра несколько рабочих отправляется на охоту.

— Сколько остается на ферме? — спросил Додд.

— Человек двадцать, — ответил Клэйтон, — не считая меня.

— Надеюсь, вас не придется считать, — сказал Додд. Я изменил свое решение. Вам больше нечего торчать у Микулина. Ночью он вас искать не будет, а завтра рано утром мы нападём на ферму. Извольте идти за мной!

— Что это, арест? — попытался протестовать Клэйтон.

Называйте, как хотите, — отрезал Додд и, обернувшись к проводнику, сказал. — Показывай нам дорогу!

Итти по болоту ночью очень рискованно. Старый охотник неодобрительно зачмокал губами и с крайней осторожностью двинулся в путь, — в противоположную от фермы сторону. За проводником Додд пустил Клэйтона, а сам замыкал шествие.

„Это насилие, — негодовал Клэйтон. — Какое право имеет Додд так распоряжаться? Нет, он не может примириться с этим. Он должен вернуть себе свободу во что бы то ни стало.“

Клэйтон шел и обдумывал план бегства. Он немного отставал от проводника, и неожиданно кинулся под ноги Додду, тот упал, перевалившись через Клэйтона и выругался. Клэйтон отполз назад и на двинувшись на ноги побежал.

Эй, где же вы! — крикнул Додд. Но Клэйтон бежал не обращая внимания. Тогда Додд пригрозил, что он будет

стрелять. Но Клэйтон все продолжал бежать.

Голова Додда и проводника становились все тише и тише. Клэйтон уже различал опушку леса на краю болота. Ему везло: несмотря на то что он бежал напрямик, он не только не провалился в окно, но даже ни разу не упал. Вот и твердая почва под ногами...

Ах.. Сначала одна, а потом и другая нога Клэйтона увязли в болоте. Он пытался вытащить то одну, то другую, но от этих усилий ноги увязают еще глубже. Клэйтон чувствовал, как его ноги медленно погружаются в вязкую тину. Вот они ушли до колен, вот и колени погрузились в холод тины. Клэйтон старался нащупать рукой куст или хоть пучок травы, но напрасно: вокруг не было никакой растительности.

„Погиб!“ — подумал Клэйтон, обливаясь холодным потом. Во рту у него было сухо. Язык как будто распух. В глазах рябило. Клэйтон вдруг так ослабел, что сел на холодную тину, но тотчас с ужасом поднялся, он сразу провалился по пояс. Проходила минута за минутой, и тело Клэйтона погружалось все глубже. Вот оно погрузилось до груди... Клэйтон делал невероятные усилия, чтобы пошевелить ногами, но они были как будто парализованы. Клэйтон поднял руки вверх, чтобы сохранить их свободными возможно дольше... Вот тина дошла до подмышек... Еще несколько минут, — плечи опустятся в тину, потом голова. Клэйтон вдруг закричал. Но на ферме не услышат его крика. А кругом — пустыня... Быть может этот предсмертный крик донесется до ушей старика-охотника и Додда, но они не придут на помощь дезертиру...

Вдруг чья-то сильная рука схватила Клэйтона за шиворот и начала вытягивать его из болота.

— Это вы.. Додд? — спросил Клэйтон. Незнакомый не отвечал. Он продолжал тянуть. Это была нелегкая работа. Увязнувшее в болоте тело не поддавалось усилиям. Клэйтон начал раскачиваться, судорожно подергиваться. Но это очевидно не облегчало, а скорее затрудняло работу неизвестного. По крайней мере, он тихо, прерывающимся от страшного напряжения голосом, пробормотал:

— Шпиона поймал, — сказал Данилыч

Бороба Микус

— Не двигайся!.. Ирод!..
Только мешаешь!

Его голос казался знакомым. Во всяком случае, это был не Додд. Незвестный говорил на чистейшем русском языке.

Прошел добрый час, пока Клейтон был извлечен наполовину. Его мог спасти только человек необычайной силы. Клейтону казалось, что ноги его не выдержат и оторвутся. Он стонал от боли, но незвестный продолжал тащить его из болота.

Когда Клейтон был наконец вырван из тины, как пробка из узкого горлышка бутылки, незвестный бросил его на твердую землю и сам в изнеможении опустился рядом. Тут Клейтон, напрягая зрение, увидел, что его спас великан — старик Данилыч.

— Спасибо, Данилыч! — сказал Клейтон, пытаясь подняться. Но Данилыч придавил его своей пятерней к земле.

— Лежи и не двигайся. Не надо бы и спасать тебя, иродово отродье!..

— Почему вы так говорите со мной? — спросил Клейтон, притворяясь ни в чем неповинным.

— Потому, что лучшего не стоишь. Вот Василий Николевич расправится с тобой. Ты что по ночам по болотам шляешься? С кем разгов ривал? Ты думаешь, я не видал? Я давно слежу за тобой.

„Так вот чьи шаги я слышал“, — подумал Клейтон.

ХП. Отбитая атака

У КЛЕЙТОНА сжалось сердце, когда между стволами тополей мелькнул огонек в окне лаборатории. Было вероятно около четырех часов утра, а Микулин еще работал. Данилыч крепко схватил Клейтона за шиворот и, приподняв одной рукой, внес в лабораторию.

— Шпиона поймал — сказал он, опуская на пол задыхавшегося Клейтона.

Данилыч подробно рассказал о том, как, запоздав на охоте, он случайно увидел у болота Клейтона, который о чем-то говорил с двумя людьми, как после этого он, Данилыч, начал следить за Клейтоном и как спас его.

— Я думал, — закончил старик свой доклад, — может быть, вы узнаете от него

что-нибудь важное. Только для этого я и вытащил его из болота.

— Что это значит, мистер Клейтон? — спросил Микулин. Лицо его было сурово, сдвинутые брови говорили о непреклонной воле. Клейтону стало страшно. Таким он еще никогда не видал Микулина.

— Я все объясню — сказал Клейтон. — Но позвольте мне говорить по-английски. Я волнуюсь и говорить по-русски мне трудно. — Клейтону было неприятно выступать в роли обвиняемого перед Данилычем.

Микулин подумав сказал:

— Данилыч имеет такое же право судить вас, как и я сам. Нам торопиться некуда. Можете говорить медленно, но говорите по-русски.

Клейтону не оставалось ничего другого как повиноваться. И он рассказал о своем долгом пути из Нью-Йорка к Рахмановским ключам.

— Но я никогда не решился бы причинить вам зло. Если бы я хотел это сделать, я давно мог убить вас бомбами, которые передал мне мистер Додд. Я закопал эти бомбы под елью.

Данилыч крикнул и сказал:

— Это гравда. Он что-то закапывал, я видал. Но я боялся. Думал, — что там такое? не убило бы.

— И еще одно, — продолжал Клейтон, — если бы я хотел изменить вам, я не бежал бы от Додда, который принуждал меня итти вместе с ним,

— Может быть, вас что-нибудь здесь.. задерживает?.. Например, любовь?..

Клейтон покраснел.

— Хотя бы и так. Тем больше оснований доверять мне. А если вы еще все не верите, то я открою планы мистера Додда. Он набрал банду хунхузов и сегодня же на заре нападет на вашу ферму. Додд предупредил меня, что первая пуля будет пущена в мою голову.

Микулин взглянул на старика.

— Как ты думаешь, Данилыч, что сделать с мистером Клейтоном?

Старик задумался.

— Конечно, может он и не виновен. Видишь, какое дело. А доверять ему больше нельзя, шаткий он. Я бы его не выпустил. Связал бы и пусть сидит, по крайней мере, пока эти головорезы не побывают здесь.

— Вы слышите Клэйтон? Пусть будет так. Я оставляю вас здесь арестованным. Я не буду вас связывать веревками, — у меня есть кое-что понадежнее: вас будут охранять несколько маленьких змеек. Они очень ядовитые.

Микулин передвинул свои аппараты, отгородил часть комнаты несколькими рядами проволоки и повернул рубильник.

— Вот так. Имейте в виду, что по этим проволокам идет ток, который может убить целый полк солдат. А теперь мы пойдем приготовимся отбить атаку.

Клэйтон оказался запертым в углу комнаты. Ничтожные тонкие проволоки охраняли его лучше замков. Правда, окно было свободно, но на дворе виднелась внушительная фигура Данилыча. Микулин подошел к дому, в котором жила Лор, и крикнул:

— Аленка! Аленка. Вставай!

Окно в мезонине открылось, и Клэйтон увидал голову девушки.

— Зачем так рано? — спросила она.

— Все идите в лабораторию, — сказал Микулин. Через несколько минут все обитатели фермы стояли в нескольких шагах от Клэйтона.

— Что это такое? — спросила Лор. — Вы арестованы?

— Увы, да, — ответил Клэйтон.

Микулин повернул выключатель и снял проволоки.

— Я думаю, теперь вас можно освободить от этих сторожей. Ну-ка, расскажите еще раз свою историю.

— Хорошо, я расскажу, но позвольте раньше поговорить о делах более срочных. Додд нанял не менее дюжины вооруженных бандитов. А нас... если только вы окажете мне честь включить и меня в число защитников, всего пять человек, считая и женщин. Вы не вооружены. Я полагаю, что...

— Не беспокойтесь, — ответил Микулин. — Мы вооружены лучше, чем вы полагаете. Итак, чтобы нам не было скучно ожидать гостей, начинайте мистер Клэйтон. Лор еще не слышала вашей истории.

И Клэйтону пришлось снова рассказать о всех своих злоключениях.

— Ого, вот кажется и гости, — перебил Микулин рассказ Клэйтона.

У белого камня показались люди в лохмотьях. Впереди шел высокий

тощий китаец с ружьем наперевес.

— Это Додд, — воскликнул Клэйтон.

Додд, одетый в костюм китайца, отдал какое-то приказанье, и бандиты, рассыпавшись цепью, начали подходить к ферме.

И вдруг один из них, шедший впереди всех, взмахнул руками и упал навзничь, как будто его поразила какая-то невидимая сила. Микулин молча усмехнулся. Вот еще два бандита упали на землю, на том же месте, где лежал первый. Очевидно, какая-то преграда защищала ферму от врагов. Но Клэйтон не видел проволоки, по которой мог быть пущен ток. Место было совершенно открытое.

— В чем дело? — спросил Клэйтон.

— Дело простое, — отвечал Микулин. — Мне удалось осуществить передачу энергии на расстояние. У меня уже давно все прилажено. Я пускаю узкий пучок радиоволны. Пронизывая воздух, она делает его хорошим проводником электричества. Вы понимаете, не по эфиру, а по воздуху идет ток высокого напряжения. Он то и убивает людей. Ясно?

Да, для Микулина это было ясно, но мистер Додд не мог понять, почему его люди падают. Видя, что бандиты начали колебаться и несколько из них бросилось в панике назад, Додд крикнул на беглецов, выстрелил для острастки из револьвера и сам побежал вперед, увлекая за собой колеблющихся. Увы, их всех постигла печальная участь. Клэйтон видел, как Додд выронив револьвер, грохнулся на землю. Два оставшихся в живых китайца с дикими воплями скрылись в лесу.

— Ну, вот и все, — сказал Микулин. — Видите, как гладко прошло сражение.

— Теперь мне понятно, почему вы были так доверчивы и даже беспечны, — сказал Клэйтон.

— Надюсь, ваши друзья американцы теперь надолго оставят меня в покое?

— Они больше не друзья мне, — нахмурился Клэйтон.

— Да, мертвые не друзья живым. Но что мы будем делать с вами Клэйтон? Оставить на свободе под поручительство мисс Лор? Аленка, ты поручишься за него? Возражений нет? Кто против? Принято. А теперь работать, работать.

Борьба Миров